

Стоял разгар удушливого летнего зноя. В эти дни, прямо перед началом учебного года, Косая аллея переживала свой ежегодный пик суматохи. Для обычно немногочисленного магического сообщества, где толпы были редкостью, подобное столпотворение уступало разве что чемпионату мира по квиддичу. Куда ни брось взгляд — всюду пестрели мантии и сновали люди.

Пан неспешно бродил среди лавок. Косая аллея пробуждала в нём странное, двойственное чувство: время словно застыло здесь на добрый десяток лет, но в то же время каждая деталь казалась чужой. Незнакомые модели скоростных мётел на витринах, новые лица за прилавком «Флориш и Блоттс», знакомые подмастерья в лавках одежды, даже вкусы мороженого — всё вокруг так и веяло новизной, граничащей с отчуждением.

— Мне нужно заглянуть в Лютный переулок, — раздался над ухом холодный, язвительный голос.

Угрюмый опекун, в чьём доме Пан провёл почти все летние каникулы, возвышался над ним чёрной грозовой тучей. Снейп смерил мальчика ледяным взглядом и процедил:

— Смею надеяться, вы не настолько невежественны, подобно маглам, чтобы не суметь самостоятельно купить учебники. Сделав покупки, ждите меня во «Флориш и Блоттс». Я постараюсь вернуться как можно скорее. И даже не думайте выкинуть какую-нибудь глупость, на которую не отважился бы и горный тролль. Иначе я наглядно покажу вам, что жизнь этого существа лишена всякого очарования.

— Разумеется, профессор, — кротко отозвался Пан.

Стоило проявить благоразумие и смирение. В конце концов, суровый декан Слизерина снизошёл до того, чтобы лично доставить его сюда. Без этой помощи Пан, совершенно не знавший современного магловского Лондона, плутал бы недели две в поисках неприметного входа в «Дырявый котёл». А пропустить сегодняшнее «представление» никак не входило в его планы.

— Занимайтесь своими делами, сэр. Я куплю всё необходимое и буду ждать вас в лавке за чтением.

— Рад, что мы поняли друг друга.

Снейп одобрительно вздёрнул бровь. Послушание подопечного пришлось как нельзя кстати: у зельевара оставались дела, не предназначенные для детских глаз. Не теряя времени, он развернулся и стремительно зашагал прочь, взметнув полы тяжёлой чёрной мантии. Опасности его никогда не пугали. Тот факт, что декан Слизерина давно превратил опасный Запретный лес в собственные охотничьи угодья, а мрачный Лютный переулок — в личную кладовую редких ингредиентов, говорил сам за себя. В этих тёмных местах действительно

можно было раздобыть то, чего не сыщешь ни на одном приличном рынке.

— Гарри! Гарри, иди сюда!

Звонкий оклик донёлся со стороны белокаменных ступеней Гринготтса. Оттуда, сияя улыбкой, сбегала мисс Гермиона Грейнджер — признанная всезнайка Гриффиндора. Её пышная копна каштановых волос забавно раскачивалась на бегу.

Пан бесшумно скользнул в гущу толпы. Простая чёрная мантия послужила отличной маскировкой. Вернувшись вчера в тупик Прядильщиков, он с досадой обнаружил, что вся его старая одежда пришла в полную негодность и не подлежала даже простейшим восстанавливающим чарам. Пришлось позаимствовать из шкафа зельевара одну из его новых мантий и хорошенько уменьшить её заклинанием. Чёрный цвет превосходно скрывал силуэт, да и в целом подходил ему новому. К тому же за лето он успел состричь свои длинные волосы. И пусть яркая платиновая шевелюра по-прежнему приковывала взгляд, короткая стрижка разительно изменила его облик, так что риск быть мгновенно узнанным сводился к минимуму.

— Что у тебя с очками? Здравствуйте, Хагрид!.. О, как же я рада вас видеть! Гарри, ты направляешься в Гринготтс?

Гермиона промчалась буквально в шаге от Пана, даже не повернув головы. Всё её внимание без остатка принадлежало Гарри; полувеликана Хагрида она поприветствовала скорее машинально — не заметить такую гору было физически невозможно.

— Сначала нужно разыскать Уизли, — улыбнулся Гарри.

Встреча с подругой явно подняла ему настроение, несмотря на его потрёпанный и засыпанный сажей вид.

— А тебе и искать долго не придётся! — хохотнул Хагрид, возвышаясь над толпой. Он указал огромной ручищей куда-то вдаль: — Гляди, они сами идут!

— Ох, Гарри, мальчик мой! — первым к ним, отдуваясь, подбежал запыхавшийся Артур Уизли. На его лице читалось огромное облегчение. — Мы так надеялись, что ты просто промахнулся камином... Молли там места себе не находит от страха, она сейчас подойдёт.

— И куда тебя выбросило? Было что-нибудь крутое? — тут же полюбопытствовал прибежавший следом Рон. Как и всякий мальчишка, он думал не об опасности каминного сбоя, а об увлекательных приключениях.

— В Лютный переулок его занесло! — сурово пророкотал Хагрид.

Лесничий явно рассчитывал припугнуть сорванцов, не знавших взрослой жизни, но эффект

получился обратным.

— С ума сойти, везёт же! — в один голос восторженно завопили близнецы Фред и Джордж.

— Нас туда родители ни за что не пускают, — с завистью протянул Рон.

— И правильно делают! — отрезал великан.

Но гриффиндорцы и не думали внимать его предостережениям. Компания шумно обступила Гарри прямо у подножия лестницы Гринготтса, наперебой расспрашивая о подробностях. Впрочем, стихийный митинг быстро пресекла подросшая миссис Уизли. В считанные секунды она утихомирила расшумевшуюся компанию и увлекла всех внутрь банка. На улице наконец воцарился относительный покой.

Пан не обращал внимания на суету гриффиндорцев. Стараясь не выделяться, он плавно скользнул в гущу толпы и пошёл в противоположную сторону. Разделять их шумную компанию у него не было ни малейшего желания. Особенно теперь, когда Гермиона Грейнджер за лето умудрилась прислать ему четыре длиннейших письма, ни с того ни с сего одарив его «абсолютным доверием». Пан искренне не понимал, зачем девчонка исписала столько пергамента, детально расписывая причины, по которым они не позвали его с собой в Коридор третьего этажа справа. Смешно — он ведь тоже не счёл нужным ставить их в известность о своих планах. С какой стати ему вообще оправдываться перед этой троицей? Обойдутся без объяснений.

— Гермиона? Эй, Гермиона! — окликнул её Гарри, заметив, что подруга застыла у подножия лестницы и устремила взгляд куда-то в толпу. — Что стряслось? Увидела кого-то?

— Нет-нет... Наверное, показалось, — она тряхнула головой, отводя глаза.

— Показалось? Что именно? — Рон, заметив, что друзья отстали, сбежал по ступеням обратно и принялся активно вытягивать шею, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь интересное в толпе.

— Мне показалось, я видела Пана, — Гермиона пожала плечами. — Там, в стороне, промелькнул мальчик с платиновыми волосами. Только стрижка короткая. На Малфоя он совсем не похож, вот я и подумала на Пана.

— Ну надо же, платиновые волосы! С каких это пор у нас пол-улицы блондинов? — буркнул Рон. — Наверное, просто солнце в глаза блеснуло. У Пана ведь коса до пояса.

— Знаю я, знаю! — Гермионе явно не хотелось спорить. Она повернулась к Гарри: — Я за лето отправила ему четыре письма. Подробно расписала, почему мы не взяли его с собой в тот коридор, извинилась за наше недоверие... Даже перед профессором Снейпом извинилась за то, что мы его подозревали. Но Пан не ответил ни на одно письмо.

— Извинилась?! — Рон вытаращил глаза. — Перед слизеринцем и Снейпом?! Ты с ума сошла?

— Рон, Пан совсем другой! — вспыхнула Гермиона, повышая голос. — И мы действительно поступили скверно. Снейпа обвинили ни за что, Пану не доверились, скрыли всё от него... А ты вообще уверял, что они замыслили неладное! Мы повели себя не как друзья. И раз уж виноваты, нужно иметь смелость это признать!

— Да какой он нам друг... — проворчал Рон себе под нос, но развивать тему не решился: связываться с рассерженной Гермионой было себе дороже. К счастью, из дверей Гринготтса высунулась миссис Уизли. Её зычный окрик прервал их спор, заставив троицу поспешить за остальными.

Пан подошёл к дверям «Флориш и Блоттс» ровно к полудню. До начала автограф-сессии оставалось ещё полчаса. Времени, чтобы заглянуть в лавку Олливандера, явно не хватало, поэтому он решил скоротать эти тридцать минут за книжной полкой. Переступая порог, Пан неловко разминулся с выходящим посетителем и слегка задел его плечом.

— О, прошу прощения, мой юный друг! Народу сегодня просто прорва, не находите? — незнакомец поплотнее натянул капюшон на лоб. Даже не взглянув на Пана, он скользнул в узкий боковой проход и мгновенно растаял в тени, оставив после себя лишь тихонько дребезжащую дверь служебного выхода.

Безупречно бледная кожа, утончённые, почти женственные черты лица, ясные, лазурно-голубые глаза и пышные золотистые кудри, ничуть не уступавшие холёным волосам чистокровных Малфоев — все эти приметы безошибочно выдавали его личность. Это был последний отпрыск древнего рода, барон Гилдерой Локхарт.

В высшем свете судачили, будто семейство Локхарт окончательно разорилось, а лощёные аристократы в открытую потешались над повадками новоявленного «павлина». Но разве мог человек, избранный продолжателем фамилии и унаследовавший подлинную магическую силу своего рода, оказаться банальным глупцом? Разумеется, нет.

Пан едва заметно иронично улыбнулся. Человек, способный столь искусно носить маску и годами таиться ради великой цели, заслуживал право носить фамилию Локхарт. Не зная Пан его с тех юных лет, когда тот был лишь неопытным мальчишкой, он вполне мог бы поддасться этому обману. Гилдерой ухитрился одурачить саму историю. Действительно, великий сын факультета Слизерин.

Пока Пан провожал его холодным, хищным взглядом кошки, заприметившей мышь, сам Локхарт почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот.

Это внезапное чувство опасности оказалось куда страшнее страха, преследовавшего его в

Черном лесу Албании, когда он ежеминутно ожидал нападения жутких тварей. Глубокий, первобытный ужас сковал его изнутри, заставив оцепенеть на добрые три минуты.

Придя в себя, Гилдерой огляделся по сторонам. Он находился в тесной, полутёмной подсобке для персонала «Флориш и Блоттс». Отыскав глазами тусклое зеркало, он недовольно нахмурился. Отражение являло безупречные, утончённые черты. Из-за вечной жизни в тени, вдали от солнечного света, его кожа приобрела мертвенную бледность, придававшую ему слегка изнеженный вид. Впрочем, это превосходно укладывалось в нынешние каноны столичной моды.

Золотистые кудри лежали в живописном беспорядке. Слегка влажные пряди придавали ему дерзкий, обольстительный вид, однако взгляд оставался слишком суровым. Его лазурные глаза вызвали ассоциации с холодными, скованными зимним льдом водами Эгейского моря — манящими, но смертельно опасными. Впрочем, стоило лишь слегка прикрыть веки, как этот пугающий блеск исчезал, уступая место томной, загадочной поволоке. Ровный, точёный нос выгодно компенсировал мягкость черт, добавляя облику мужественности, а он приподнимал губы ровно настолько, чтобы холодная сдержанность превратилась в интригующую полуулыбку. Сейчас, небритый и хмурый, он выглядел не менее грозно, чем сам Тот-Кого-Нельзя-Называть. Но это был лишь минутный сбой маски. Настоящий Гилдерой Локхарт не мог позволить себе быть таким.

Сверившись с часами, Локхарт извлёк волшебную палочку и коснулся замка своего саквояжа. За вычетом минутного оцепенения у него оставалось ровно двадцать пять минут. За это время требовалось вернуть себе безупречный лоск, подобающий всемирно известному писателю, кавалеру ордена Мерлина третьей степени и почётному члену Лиги защиты от Тёмных сил.

Быстро расчесав волосы, он, морщась, применил заклинание очищения — «Скурджифай». Чары сработали безупречно, хотя само ощущение от их воздействия на живое тело было отвратительным. Зато теперь его золотая шевелюра выглядела пышной, чистой и сияла благородным блеском.

Перед зеркалом он несколько раз прикрыл глаза, ловя то самое фирменное выражение меланхоличной грусти. Закончив с мимикой, Локхарт потянулся к баночке с маггловским консилером. Средство дикарей работало куда быстрее многих зелий, мгновенно скрывая следы хронического недосыпа. Даже великие маги, увы, не застрахованы от синяков под глазами.

Тонкий нос не требовал коррекции. Куда важнее было отточить улыбку. Чуть перегнёшь палку — и превратишься в ухмыляющегося дурака, недотянешь — покажешься высокомерным заносчивым гордецом. Гилдерой дорожил своей репутацией и выверял каждое движение губ до миллиметра.

Затем пришёл черёд гардероба. Костюм должен был подчёркивать образ экстравагантного франта, балансируя на грани изысканности и вызова. Слишком пёстрые тона вызвали бы насмешки снобов из чистокровных семей, а чрезмерно строгий покрой уничтожил бы весь шарм. Требовалось найти золотую середину.

Когда песчинки в часах отмерили половину первого, он был полностью готов. Локхарт гордился своей пунктуальностью, пускай сегодня непредвиденный приступ паники и отнял у него драгоценные три минуты.

— Господин Локхарт, вы готовы? — в подсобку заглянул Флориан Фортескью, временно исполняющий обязанности управляющего. С его лба градом катился пот, а от бывшей вежливой сдержанности не осталось и следа. — Уважаемые дамы снаружи уже теряют терпение!

— О да, разумеется! Разве мы можем заставлять прекрасных дам ждать? — ослепительно улыбнулся Гилдерой.

Оставив мрачную каморку позади, он величественно проследовал в залитый светом торговый зал. На душе сразу потеплело. Годы, проведённые в сырых и тесных укрытиях во время странствий, оставили глубокий след в его психике — Локхарт до ужаса не любил замкнутые пространства. Ирония судьбы: он исходил бескрайний Черный лес Албании вдоль и поперёк, а заработал банальную клаустрофобию.

— Дамы, тише, прошу вас... Не толкайтесь... Берегите книги! — безуспешно взывал к толпе Фортескью, прокладывая дорогу к столу в углу зала.

Управляющий выбивался из сил, но в глубине души ликовал. Если бы Локхарт не был столь востребованной и капризной знаменитостью, Фортескью приглашал бы его каждую неделю — пускай даже безумные фанатки разнесли бы при этом половину лавки. Сверхприбыли того стоили.

Пан тихо стоял в самом дальнем углу книжного магазина. На листке пергамента в его кармане мерцали руны долгодействующего Заклятия игнорирования, начертанные особыми магическими чернилами. Уникальная эльфийская магия действовала безотказно: она отводила глаза прохожим и не создавала привычных для волшебников колебаний эфира. Тот кто никогда не сталкивался с эльфами, ни за что не почувал бы чужого присутствия. Ну а если в толпе окажется знаток... Что ж, Пан был бы только рад такой встрече.

Глядя на то, с каким усердием Гилдерой выводит размашистые автографы, Пан мысленно праздновал победу. Его расчёты подтвердились: древний и некогда могущественный род Локхарт вовсе не сгинул в пламени былых войн. Семейство лишь проявило завидную мудрость, вовремя уйдя на дно. И этот расфуфыренный павлин, сияющий голливудской улыбкой перед восторженной публикой, служил тому лучшим доказательством. Всего полчаса назад он выглядел как суровый скиталец, познавший немало лишений, а теперь ни единый жест не выдавал в нём мастера конспирации.

— О, наконец-то вы пришли! Как же хорошо! — зычный голос миссис Уизли прокатился над толпой.

Этот крик заставил Пана ещё сильнее вжаться в тень. Уходить сейчас было нельзя. Слишком велик риск, что запримеченная им добыча почует опасность и ускользнёт. К тому же оставался

нерешённым вопросом с дневником. Пан был обязан лично убедиться, что ход истории не претерпел нежелательных изменений.

— Мам, ну и давка! Зачем нам стоять в очереди за автографом? Мне этот Локхарт даром не сдался. Купим учебники и пойдём домой, а? — недовольно канючил Рон.

Мальчик впервые в жизни осознал, что волшебников на самом деле не так уж и мало. В этой безумной толпе его едва не превратили в лепёшку.

— А ну поберегись!

Коротышка с суровым лицом и огромным чёрным фотоаппаратом бесцеремонно оттолкнул Рона в сторону. Пятясь назад в поисках удачного ракурса, он сердито зыркнул на гриффиндорца:

— Мешаешь работать! Это для «Ежедневного пророка»!

Ослепительно полыхнула вспышка, и над толпой поплыли клубы едкого фиолетового дыма.

— Подумаешь, велика важность, — прошипел Рон, потирая ушибленную ногу.

Но спорить было некогда. Людское море заколыхалось с новой силой: виновник торжества поднялся со своего места и направился в их сторону. Толпа хлынула следом, и Рон почувствовал себя утлой лодчонкой в эпицентре шторма. Ему оставалось лишь молиться о спасении.

<http://bllate.org/book/18188/1761124>